

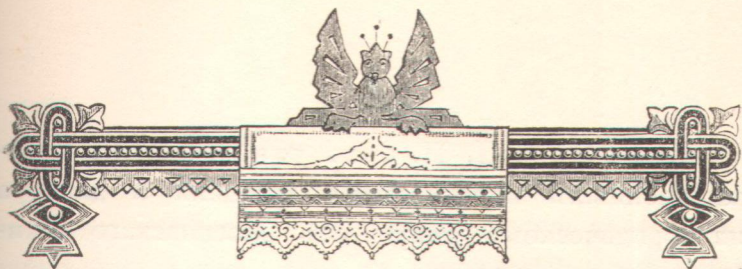

В. А. Петровский.

I.

Д. И. Каченовскій,
КАКЪ УЧЕНЫЙ ♣ ♣ ♣
И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ. ♣

 митрій Ивановичъ Каченовскій окончилъ Харьковскій Университетъ 19 лѣтнимъ юношей. Въ 1849 году защитилъ магистерскую диссертацию и 22 лѣтъ отъ роду вступилъ, по порученію факультета, на профессорскую кафедру.

Тяжелы и неприглядны по отзыву современниковъ были въ это время условія научной дѣятельности. Но «чѣмъ суровѣе складывались внѣшнія обстоятельства, говоритъ въ своихъ прекрасныхъ воспоминаніяхъ о Каченовскомъ, его слушатель и близкій другъ А. Н. Стояновъ, чѣмъ безсодержательнѣе и печальнѣе была вся окружающая среда, тѣмъ сильнѣе и цѣльнѣе погружался Каченовскій въ богатый свой внутренній міръ».

«Ежедневно шли прекрасныя, оживленныя и серьезныя лекціи, готовилась докторская диссертация, собирався и обдумывался матеріалъ для многочисленныхъ статей и этюдовъ, которые весьма скоро послѣдовали одинъ за другимъ какъ только наступили свѣтлые годы царствованія Императора Александра II».

«Въ 1855 г. Д. И. былъ уже докторомъ государственныхъ наукъ, послѣ экзамена и диспута на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета». (Стояновъ).

Съ этого времени начинается пышный разцвѣтъ научной и публицистической дѣятельности Каченовскаго. Онъ печатаетъ свои научные труды, сотрудничаетъ въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ, выступаетъ съ докладами въ Лондонскомъ юридическомъ обществѣ, поддерживаетъ письменныя и личныя сношенія съ выдающимися учеными и общественными дѣятелями Западной Европы, наблюдаетъ и изучаетъ наиболѣе интересныя проявленія политической жизни различныхъ иностранныхъ государствъ во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ... И всѣ свои впечатлѣнія, всѣ свои знанія, все богатство своего свѣтлаго ума и чистой души онъ несетъ въ даръ своему родному Университету, гдѣ съ 1859 года онъ читаетъ кромѣ международнаго еще и государственное право европейскихъ державъ только что возстановленное для преподаванія въ русскихъ университетахъ.

21-го декабря 1872 года, 45 лѣтъ отъ роду, Каченовскій скончался отъ чахотки, которая подрывала его силы и омрачала жизнь за долго до ранняго конца. Болѣе 30 лѣтъ прошло со дня его кончины и болѣе полувѣка съ начала его научной дѣятельности... Работы его отчасти устарѣли, сдѣ-

лались библиографической рѣдкостью, затерялись въ старыхъ журналахъ и только специалисты знакомятся съ ними и дивятся силѣ ума и чистотѣ души полузабытаго ученаго... Что же собрало насъ здѣсь для его торжественнаго чествованія? Не является-ли оно однимъ изъ тѣхъ юбилеевъ, гдѣ не только присутствующіе, но часто и сами устроители торжества формально отбываютъ скучную повинность, не зная и не вѣря въ заслуги и достоинство юбиляра?

Къ Каченовскому—это не примѣнимо. Если даже разсматривать его научную дѣятельность съ современной точки зрѣнія, то и тогда мы должны будемъ признать ее серьезной и выдающейся. Еще болѣе мы увѣримся въ этомъ, если вспомнимъ, что Каченовскій писалъ и училъ въ то время, когда въ Россіи было только два, три жалкихъ, тощихъ, неправильно переведенныхъ иностранныхъ учебника по международному праву, когда даже число мало-мальски цѣнныхъ монографій по этому предмету не достигало десяти, когда самое значеніе и необходимость преподаванія науки подвергались серьезнымъ сомнѣніямъ, и разрѣшеніе преподаванія Государственного права европейскихъ державъ вызвало (по словамъ современника) душевное счастье и чистую, безграничную признательность. (Стойновъ 31).

Трудно подымать новъ! Много пропадаетъ силъ для перваго пахаря и только послѣдующія поколѣнія соберутъ съ нея богатую жатву. Еще труднѣе впервые разрабатывать научную почву, да еще и

при неблагоприятной обстановкѣ, почти безъ дружеской поддержки, безъ подготовки общества для воспріятія политическихъ наукъ, пользу и необходимость преподаваній которыхъ въ Россіи приходилось доказывать, потому что, странно сказать, и та и другая открыто подвергались сомнѣнію въ русскихъ журналахъ (напр. Ю. Жуковскимъ и Аксаковымъ).

Такъ что уже самая научная дѣятельность Каченовскаго для его времени была гражданскимъ подвигомъ, своего рода піонерствомъ, облегчившимъ и расчистившимъ путь для дѣятельности его послѣдователей въ Россіи.

Каченовскій умеръ, но не умерли его идеи, они жили въ многочисленныхъ поколѣніяхъ его слушателей, они жили въ его выдающихся сочиненіяхъ и широкою свѣтлою волною разливались по отдаленнымъ уголкамъ Россіи, они живутъ и теперь въ стѣнахъ нашего Университета, въ насъ самихъ, составляя часть того умственного и нравственного капитала, который накапливается вѣками и передается какъ драгоцѣнное наслѣдіе отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Вотъ почему мы чествуемъ Каченовскаго, вотъ почему мы собрались для этого въ Университетѣ, этомъ хранилищѣ, куда покойный щедрою рукою вносилъ свои умственные и нравственные богатства.

Я не рискую утомлять ваше вниманіе подробнымъ изложеніемъ и разборомъ многочисленныхъ

работъ Каченовскаго и ограничились только указаніемъ на самыя выдающіяся изъ нихъ.

Прежде всего надо упомянуть его докторскую диссертацию «о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи нейтральной торговли» 1855 г.

Вопросы морского международного права издавна разрабатывались выдающимися русскими учеными. Лешковъ, Спасовичъ, Кн. Канткаузенъ, Гр. Сперанскій, Мартенсъ, Гр. Камаровскій, Давневскій и другіе посвятили имъ отдѣльныя изслѣдованія. Но работа Каченовскаго является одной изъ самыхъ выдающихся даже и въ настоящее время. Художественное, сжатое образное изложеніе исторіи каперства и призоваго судопроизводства, мѣткій и исчерпывающій разборъ научныхъ теорій по этимъ вопросамъ, детальное знакомство по первоисточникамъ съ рѣшеніями призовыхъ судовъ Англіи, Франціи и соединенныхъ Штатовъ—таковы отличительныя черты этой работы.

Наиболѣе цѣннымъ и важнымъ между прочимъ является блестящее доказательство необходимости отмѣны каперства съ исторической, экономической, военно-политической и научной точки зрѣнія. Рѣдкую и высшую награду получилъ за этотъ трудъ нашъ ученый. Годъ спустя послѣ появленія его работы каперство отмѣнено на Парижскомъ конгрессѣ.

Книга эта переведена на англійскій языкъ и нашла достойную оцѣнку со стороны выдающихся англійскихъ ученыхъ.

Отмѣтимъ еще одинъ успѣхъ, рѣдко выпадающій на долю ученаго.

Въ 1862 г. въ своемъ докладѣ (въ Лондонскомъ юридическомъ обществѣ) Каченовскій указывалъ на необходимость соединиться ученымъ различныхъ странъ для совмѣстной разработки и кодификаціи международного права, чтобы такимъ путемъ способствовать распространенію и примѣненію въ международной жизни идеи права и справедливости.

«Мысль эта въ Лондонѣ не привилась, но когда идея безусловно хороша, говоритъ Леръ (*tableau général—de l'inst. de dr. int. 1873—1893 p., 2*), она пойдетъ своимъ путемъ и въ концѣ концовъ осуществится вопреки препятствіямъ».

Это оправдалось по отношенію къ идеѣ Каченовскаго. «Съ 1867 г. по 1871 г. эта мысль, какъ выражается Леръ, возникла почти одновременно въ Берлинѣ, Нью-Йоркѣ, Женевѣ, Гентѣ и Харьковѣ». Къ сожалѣнію Каченовскому не удалось дожить до 1873 г. времени появленія на свѣтъ своего лучшаго дѣтища института международного права.

Не удалось Каченовскому окончить и свой Курсъ Международнаго права. Насколько можно судить о немъ по первымъ двумъ выпускамъ, курсъ этотъ составилъ бы крупный вкладъ въ литературу предмета, не только русскую, гдѣ до сихъ поръ не было ни одного общаго изслѣдованія, но даже и въ иностранную, столь богатую и монографіями и общими курсами. Отличительная черта

этой, какъ и всѣхъ работъ Каченовскаго, боязнъ схоластической цеховой учености, стремленіе сдѣлать науку доступной и такимъ образомъ способствовать ея распространенію въ широкихъ кругахъ образованнаго общества, а не среди небольшой кучки ученыхъ ¹⁾).

Это вытекаетъ изъ его коренного убѣжденія, что науки политическія, только тогда соотвѣтствуютъ своему назначенію, когда онѣ отправляются отъ явленій дѣйствительной жизни, перерабатываютъ этотъ богатый и вѣчно измѣнчивый матеріалъ, руководствуясь разумомъ и справедливостью и вносятъ добытые результаты въ жизненный круговоротъ для руководства и провѣрки ихъ опытомъ.

Уже поэтому можно заключить о склонности Каченовскаго къ позитивному методу и хотя онъ самъ называетъ себя идеалистомъ ²⁾ и при бѣгломъ обзорѣ его работъ, дѣйствительно, можетъ показаться таковымъ, но отнести его къ идеальной школѣ, едвали будетъ умѣстно.

Впрочемъ, если идеалистомъ называть человѣка, который убѣжденъ, что свобода, чувство справедливости и любовь къ людямъ должны быть основнымъ началомъ и верховнымъ судьей въ жизни и дѣятельности отдѣльныхъ людей и всего человѣчества, то Каченовскій, несомнѣнно, идеалистъ.

¹⁾ Каченовскій. XXIII.

²⁾ О современномъ состояніи политической науки, 56.

Но мы должны будемъ признать его позитивистомъ, если обратимъ вниманіе на то, что онъ считаетъ необходимымъ строить науку международнаго права на основаніи положительнаго матеріала ¹⁾, называетъ юриспруденцію наукой практической ²⁾ и указываетъ вліяніе экономическихъ интересовъ на международную жизнь.

Признавая важность и значеніе для науки идеализма, Каченовскій, однако, рѣзко возстаетъ противъ несбыточныхъ безплодныхъ утопій. Допустимъ, говоритъ онъ далѣе, что *ria desideria* политическихъ идеалистовъ безплодны. Во всякомъ случаѣ онѣ не такъ вредны какъ то положительное направленіе, которое, вмѣсто порицанія человѣческихъ несправедливостей и глупостей, приводитъ ихъ въ систему, дѣлаетъ достояніемъ науки и выдаетъ за философію» ³⁾.

Съ горечью осмѣиваетъ Каченовскій и мнѣніе тѣхъ, какъ онъ выражается, пессимистовъ, которые полагаютъ что, игра страстей эгоизма и корысти сама по себѣ должна привести людей къ порядку. Наблюдая ее на практикѣ, на примѣръ въ Азіи или между полудикими племенами, говоритъ Каченовскій, мы, однако же, не видимъ никакого выхода изъ нея въ теченіе вѣковъ. Подъ вліяніемъ эгоизма и корысти люди научаются только истреблять другъ друга! Если эта работа нравится нѣкоторымъ му-

¹⁾ Ib. (41, 51).

²⁾ Ib. (34, 71).

³⁾ К. Льюиз. О с. с. П. Н. 39.

дрецамъ, то они должны знать чѣмъ она кончается. Истребленіе прекращается тогда, когда нечего больше истреблять»... Можно сказать, Каченовскій возстаетъ противъ крайностей идеализма и позитивизма и сливается въ своихъ изслѣдованіяхъ оба метода въ одно гармоническое цѣлое.

Перейдемъ къ бѣглому обзору основныхъ началъ международного права по ученію Каченовскаго.

Международное право, по его мнѣнію, есть самое свободное изъ существующихъ правъ ¹⁾. Нѣтъ борьбы болѣе грандіозной, гдѣ бы свобода имѣла такой широкій просторъ, какъ борьба государствъ, нѣтъ побѣды болѣе славной для человѣчества, какъ побѣда международного права надъ злою волею тирановъ и завоевателей ²⁾.

Международное право покоится на правосознаніи народовъ и вытекаетъ изъ солидарности интересовъ и потребностей общежитія ³⁾. Высшая его цѣль содѣйствовать огражденію порядка и свободы на землѣ, безопасности общества и пользѣ человѣчества ⁴⁾.

Пока оно охватываетъ кругъ цивилизованныхъ народовъ, но со временемъ оно обниметъ все чело-
вѣчество. Субъектами международного права явля-

¹⁾ Курсъ etc. 23.

²⁾ Ib. 120.

³⁾ Ib. 63.

⁴⁾ Ib. 95.

ются самостоятельныя и независимыя государства съ правомъ законодательства и суда въ международной жизни. Но государства не всесильны въ этой области. Они не владѣютъ надъ законами природы и исторіи. Судебныя мѣры, направленныя противъ этихъ силъ, чрезвычайно опасны...

Отсутствіе законодательства и суда въ международной жизни Каченовскій не считаетъ основаніемъ для отрицанія международнаго права.

«Кто за текстомъ кодекса не видитъ жизни, тотъ можетъ причислить себя къ разряду цеховыхъ законниковъ, общественное значеніе которыхъ цѣнится невысоко, говоритъ Каченовскій, и блестящимъ и выпуклымъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ основаній и явленій международной жизни, сравненіемъ ихъ съ жизнью внутри отдѣльныхъ государствъ доказываетъ, что международное право существуетъ и соблюдается почти также какъ и другія отрасли права.

Здѣсь, повидимому, наиболѣе сказывается соціологическое направленіе Каченовскаго и его пренебреженіе къ строго юридическому методу. Но это пренебреженіе—кажущееся, а не дѣйствительное.

При широкомъ взглядѣ на науку, которая принимаетъ и цѣнитъ самыя разнообразныя направленія, Каченовскій могъ лично отдавать предпочтеніе одному изъ нихъ. Онъ могъ пренебрегать узкими педантами, тѣми законниками, которые изъ за кодекса не видятъ жизни, но не юридическимъ методомъ, который, напротивъ, онъ ставилъ очень высоко, какъ

видно изъ его отзывовъ о европейскихъ ученыхъ. Наука международного права, говоритъ онъ, излагается у нихъ строго и сухо въ формѣ не привлекательной для русскаго читателя. Что дѣлать! Гдѣ юриспруденція развита, тамъ она похожа на математику и получаетъ вкусъ безъ приправы ¹⁾.

Научное направленіе Каченовскаго помимо склада его ума и научныхъ вкусовъ объясняется и постояннымъ его стремленіемъ, разрабатывая науку, служить ея распространенію въ русскомъ обществѣ. Кровавый призракъ безчисленныхъ людей, говоритъ онъ, погибшихъ за Севастополь, да побудить ²⁾ насъ обратить вниманіе на международныя дѣла «и кажется, что близко то время, когда наука международного права будетъ занимать мыслящихъ людей въ Россіи» ³⁾.

Русское общество его времени не было подготовлено къ строго научнымъ, юридическимъ изслѣдованіямъ. Вотъ почему Каченовскій предпочиталъ популярную форму изложенія. Но мы видѣли, что эта форма не мѣшала ему вкладывать въ свои работы чисто научное содержаніе и только цеховые законники и схоластики могутъ поставить ему въ упрекъ, что его научные выводы, большинство которыхъ и теперь не утратило правъ гражданства, не выражены въ краткихъ, сухихъ и темныхъ форму-

¹⁾ К. XVI.

²⁾ К. XVІІІ.

³⁾ К. XVІІ.

лахъ, не помѣщены подъ рубриками А. В. С., которыя въ свою очередь подраздѣляются на а. в. с. и т. д.

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ остановиться на исторіи международныхъ сношеній, доведенной до Вестфальскаго мира. Можно указать, что это блестящая и удачная попытка извлечь наиболѣе важный и юридическій матеріалъ изъ 18-томнаго сочиненія Лорана: *Histoire du droit des gens et des relations internationales*. Впрочемъ, авторъ не слѣдовалъ рабски Лорану и, хотя трудно было не подчиниться колоссальному матеріалу, увлекательному изложенію и глубинѣ взглядовъ бельгійскаго ученаго, но Каченовскій, пользуясь его матеріаломъ, сумѣлъ сохранить свою научную независимость и, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ, могъ даже исправить нѣкоторыя неточности и пополнить пробѣлы, допущенныя въ *Histoire du droit des gens* Лорана.

Если бы смерть не помѣшала Каченовскому окончить свой курсъ международнаго права и въ частности исторію международныхъ сношеній, то русская публика, а также и англійская, такъ какъ его курсъ переводился и на англійскій языкъ, познакомились бы съ мало доступнымъ уже по своему объему трудомъ Лорана въ блестящемъ и сжатомъ изложеніи Каченовскаго, который внесъ туда не только поправки, основанныя на полнѣйшихъ научныхъ данныхъ, но и широту взглядовъ и блескъ своей собственной эрудиціи.

Такимъ образомъ, и въ этой части своего курса Каченовскій остался вѣренъ себѣ. Я всегда думалъ, говоритъ онъ, что стремленіе закрывать науку отъ общества и дѣлать ее достояніемъ немногихъ избранныхъ есть смѣшное и вредное стремленіе. Напрасно закрывать ее мракомъ техническихъ фразъ и недоступной мудрости ¹⁾).

Наши Университеты не схоластическія корпорации, а живыя учрежденія. Они обязаны, сколько отъ нихъ зависитъ, заботиться о внѣшнемъ распространеніи полезныхъ знаній ²⁾). Они дѣйствуютъ на молодое поколѣніе, а черезъ него и на цѣлое общество. Труды и добрыя мысли здѣсь не пропадаютъ ³⁾).

Борьба противъ злоупотребленій здѣсь не ослабѣвала ни на минуту. Въ университетѣ всегда находились люди, которые держали достойно знамя науки и чести и трудились для пользы общей. Во имя этихъ энергичныхъ людей, во имя юношества, которое переносило здѣсь бѣдность и лишенія, во имя достойныхъ воспитанниковъ университета, которые часто подвизались на поприщѣ гражданскомъ, мнѣ, говоритъ Каченовскій, всегда былъ дорогъ нашъ храмъ.

Передавая студентамъ на лекціи впечатлѣнія заграничной поѣздки, Каченовскій говоритъ ⁴⁾).

¹⁾ К. XXIII.

²⁾ Ib. XXIII.

³⁾ Ib. XLVI.

⁴⁾ Ib. LIV.

«И мнѣ свѣтилъ этотъ родной университетъ изда-
лека, какъ маякъ. Я сознавалъ, что въ нынѣшнее
время нужно работать дома, а не странствовать по
чужимъ землямъ».

Далѣе онъ говоритъ: «Университетъ долженъ
жить и безъ насъ, и послѣ насъ. Какъ не пріятно
намъ считать себя разумными и благородными, но
университетъ разумнѣе и благороднѣе насъ. Въ немъ
есть такая притягательная и творческая сила, ко-
торою никто между нами не владѣтъ ¹⁾. Будемъ
хорошимъ убѣжищемъ пользоваться, которое пред-
ставляетъ университетъ для независимой мысли и
соединеннаго труда» ²⁾.

«Политическое образованіе имѣло и имѣетъ цѣну
въ моихъ глазахъ, какъ приготовленіе къ обще-
ственной дѣятельности,—тѣ народы, которые упо-
требляли его на пользу своего государственнаго быта,
я считаю передовыми».

Борьба съ невѣжествомъ и подготовка молодыхъ
неутомимыхъ борцовъ противъ него—вотъ знамя,
подъ которымъ работалъ Каченовскій.

«Коснѣя въ невѣжествѣ, говоритъ онъ, ³⁾ мы
достигали порядка силою и приказаніями съ одной
стороны, терпѣніемъ и повиновеніемъ—съ другой;
«власть, сила и успѣхъ были намъ дороже закона,
польза службы дороже пользы общественной ⁴⁾. Отче-

¹⁾ К. LXI.

²⁾ Ib. LXVI.

³⁾ П. Н. 2.

⁴⁾ П. Н. 128.

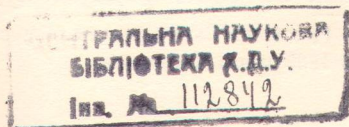
го скажите, спрашиваетъ онъ ¹⁾), происходятъ язвы Россіи, что кладетъ на жизнь нашу тяжелое ярмо и невыносимый гнетъ, останавливаетъ, путаетъ и обезкураживаетъ насъ на каждомъ шагѣ? Невѣжество! Съ нимъ нужно бороться всѣми силами, ему нужно объявить непримиримую войну и не давать пардона. Пусть каждый работаетъ по мѣрѣ силы. Начнемъ подкапывать зло съ разныхъ сторонъ, рыть глубже землю. У насъ нѣтъ орудій и машинъ. Привеземъ на первый разъ изъ за моря, а потомъ сдѣлаемъ свои. Наука на западѣ сильна. Пора пустить ее въ ходъ»...

Борьба съ невѣжествомъ и въ частности важность политическаго воспитанія, несомнѣнная сама по себѣ, особенно была необходима, по мнѣнію Каченовскаго, для современной Россіи, гдѣ помимо освобожденія крестьянъ, подготовлялся и осуществлялся цѣлый рядъ коренныхъ реформъ. Только что надѣленная свободой новая Россія не умѣла ею пользоваться, да и самая свобода, по мнѣнію Каченовскаго ²⁾), погибаетъ, когда не находитъ просвѣщенныхъ защитниковъ»...

Весь проникнутый интересами новой Россіи, ради служенія ей Каченовскій сокращалъ даже свое пребываніе за границей, гдѣ ему жилось легко и привольно среди памятниковъ искусствъ, развитой политической и общественной жизни, въ общеніи съ выдающимися умами Европы. Его высоко цѣнили

¹⁾ П. Н. 138, 139.

²⁾ Ак. 12.

тамъ. Быть можетъ выше, чѣмъ дома! Тамъ же, именно въ Англіи, онъ находилъ удовлетвореніе своимъ общественнымъ и научнымъ стремленіямъ, дѣлая доклады, вступая въ пренія или предсѣдательствуя въ Лондонскомъ обществѣ для развитія соціальныхъ наукъ. И эту жизнь, полную умственныхъ, художественныхъ и общественныхъ интересовъ, онъ мѣнялъ на сѣренькую жизнь провинціального города, гдѣ только четверть вѣка спустя послѣ его смерти по почину одного изъ его слушателей, Н. О. Куплевасскаго, возникло наше Юридическое общество, чествующее сегодня Каченовскаго, такъ завидовавшаго существованію Лондонскаго юридическаго общества и Англіи, гдѣ возможны, какъ онъ выражается, подобныя предпріятія, гдѣ дорасли до такой терпимости и публичности ¹⁾).

Что же заставляло Каченовскаго покидать полную для него серьезныхъ приманокъ Западную Европу и спѣшить въ свою Саламанку, какъ онъ называлъ Харьковскій Университетъ? Отвѣтъ ясенъ—любовь къ Россіи, къ Университету, къ студентамъ. Расширивъ свои научныя познанія путемъ бесѣды съ западно-европейскими учеными и работою въ библіотекахъ и архивахъ, запасшись основательнымъ знакомствомъ и изученіемъ наиболѣе интересныхъ сторонъ политической и общественной жизни различныхъ государствъ, возвращался Каченовскій въ свою родную аудиторию.

¹⁾ Ст. въ Русскомъ Словѣ, труды общества и т. д. Каченовскаго 27 сентября 1860 года. Харьковъ.

И весь обвѣянный этой почти чуждой для его слушателей напряженной атмосферой умственной, художественной и общественной западно-европейской жизни, онъ являлся въ скромныя аудиторіи къ горячо любимымъ имъ слушателямъ. Онъ любилъ въ нихъ будущихъ слугъ новой Россіи и гордился и высоко цѣнилъ имя студента. Онъ самъ, по его словамъ, былъ заграницей путешествующимъ харьковскимъ студентомъ ¹⁾.

И звучала въ аудиторіи его вдохновенная рѣчь, и пробуждала она въ молодыхъ сердцахъ любовь къ новой Россіи, жажду знанія, честной дѣятельности и борьбы противъ неправды. «Помните, говорить Каченовскій, что новая Россія далеко передъ нами, что мы живемъ пока въ старой. А гдѣ въ ней укрыться? Куда ни посмотришь на сѣверѣ и востокѣ, все лѣсъ да болота, а на югѣ все степь, да степь. Здоровая мысль, разумное слово, доброе дѣло гложетъ въ этомъ безконечномъ пространствѣ. И вотъ мы стекаемся сюда изъ нашихъ полуостровныхъ краевъ, чтобы, соединившись подъ кровомъ науки и окрѣпнувъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, возвратиться назадъ просвѣщенными людьми».

Что бы было съ нами безъ университета? ²⁾

Я позволю себѣ закончить эту неполную характеристику Каченовскаго его обращеніемъ къ русскому обществу. «Признаемся чистосердечно, гово-

¹⁾ Б. XLVII.

²⁾ Б. LXV.

ритъ онъ ¹⁾—нѣтъ у насъ ни политическаго опыта, ни просвѣщенія! Кто виноватъ въ этомъ? Виноваты люди сильные, богатые, возвышенные счастьемъ. Они не заботились о государствѣ, какъ слѣдуетъ добрымъ гражданамъ, а только извлекали изъ него для себя пользу. Они служили, чтобы выслужиться и нажиться. Они надѣялись на народъ въ минуту опасности, а въ спокойныя времена его презирали и грабили. Кто изъ насъ Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? Да! Пора покаяться на дѣлѣ!

Пусть же каждый по мѣрѣ силъ и всѣми зависящими отъ него средствами, личными и общественными, помогаетъ гражданственности и Россія раньше, чѣмъ намъ кажется, будетъ однимъ изъ просвѣщенныхъ, благоустроенныхъ и свободныхъ государствъ на землѣ».

¹⁾ Акты 155, 172.